

Ж. Ш е н о

ЖЮЛЬ ВЕРН И ТРАДИЦИИ 1848 ГОДА

Французский ежегодник 1967

М.: Наука. 1969. С.108-123

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

То были портреты, портреты видных исторических деятелей, посвятивших себя служению высокой идее гуманизма: Костюшко, герой, павший с возгласом: «Конец Польше!»; Бощарис — Леонид современной Греции; О'Коннел — борец за независимость Ирландии; Вашингтон — основатель Североамериканского союза; Манин — итальянский патриот; Линкольн, погибший от пули рабовладельца, и, наконец, мученик, боровшийся за освобождение негров от рабства и вздернутый на виселице, Джон Браун — потрясающий рисунок карандашом, сделанный рукой Виктора Гюго¹. Эти офорты, украшающие рабочий кабинет капитана Немо, дают нам ключ к политическим убеждениям Жюль Верна: сочувствие борьбе и восстаниям «порабощенных рас», «освободителем» которых хочет быть капитан Немо². «Двадцать тысяч лье под водой», в сущности, одно из тех произведений, где ярче всего выражаются заветные идеи Жюль Верна³; указывая на преклонение своего мятежного героя перед этими «героическим душами», Жюль Верн совершал смелый политический акт, тем более смелый, что роман был написан во времена Империи. Правда, тогда, в 1868 г., власть уже теряла свой авторитарный характер, но передовые люди не забывали, что она вышла из государственного переворота 1851 г.

Приверженность идеям 1848 г. у Жюль Верна выражалась в первую очередь в сочувствии национальному движению в Европе, и это не случайно. Он родился в 1828 г. и принадлежал к тому поколению, которому было 20 лет, когда наступила «весна народов». Именно революция 1848 г.

¹ «Двадцать тысяч лье под водой». Следует отметить, что этот верновский политический пантеон привлекает внимание профессора Ароакса, невольного гостя капитана Немо, не сразу («несколько офортов на стенах — при первом моем посещении они мне не бросились в глаза»). Сдержанность этого замечания — вполне в духе Жюль Верна — не означает, однако, что речь идет о второстепенной черте характера капитана Немо; наоборот, здесь говорится об основном его свойстве.

² «Двадцать тысяч лье под водой». Свойственные «людям сорок восьмого года» черты характера капитана Немо отмечала также г-жа Аллот де ла Фуи, племянница и биограф Жюль Верна, имевшая доступ к семейному архиву: «Немо — это модификация деятеля 48 года. Он неутомимо преследует деспотов и защищает принцип равноправия национальностей. Непреклонный, он топит фрегат угнетателей и, безгранично щедрый, отдает сокровища народам, борющимся за свою независимость. Этот гений моря относится к тому же поколению, что и его автор». (*M-me Allotte de la F u i e. Jules Verne, sa vie, son oeuvre*, p. 192).

³ В другом месте при анализе симпатий Жюль Верна к анархистским идеям мы показали, какой интерес представляет фигура Немо (*J. S h e s n e a u x. Critique sociale et thèmes anarchistes chez Jules Verne. — «Le Mouvement Social», juillet 1966*).

пробудила у него политическое сознание, и это произошло тем более внезапно, что он оказался тогда в Париже, куда приехал держать экзамен на звание адвоката; атмосфера в Париже весной 1848 г. резко отличалась от безмятежного покоя, царившего в среде добропорядочной нантской буржуазии, из которой он происходил. Под влиянием этой среды он записывается в Париже в студенческий кружок «антимонтакьярского» направления, собиравшийся на улице Пуатье, он объявляет себя сторонником «гг. Тьера и его единомышленников, представителей порядка», которых он ценит за «сдержанность», «умеренность»⁴. Но эти слова, взятые из письма родителям, от которых он зависел материально, нельзя принимать буквально. Следует думать, что внезапно возникшее политическое кипение не могло не заставить его глубоко задуматься. Вернувшись осенью 1848 г. в Париж для продолжения занятий, он прилагает все усилия, чтобы попасть на великое романтическое празднество, организованное 12 ноября Ламартином на площади Согласия в ознаменование принятия республиканской конституции: с одним из своих друзей Жюль Верн пытается проникнуть в специальный поезд, предназначенный для делегатов от национальных гвардейцев провинции; он был крайне огорчен, когда его оттуда вытолкали — в результате он смог приехать в Париж на праздник только вечером, «когда чадили последние факелы»⁵.

Среда, в которой вращается Жюль Верн в Париже в начале своей творческой деятельности, т. е. с 1865 г., равно как и воспоминания молодости влекли его в сторону традиции 48-го года. Его издатель, Этцель, бывший в то же время его литературным советником, его наставником, которым он от всей души восхищался, был в 1848 г. начальником кабинета Ламартина, министра иностранных дел Временного правительства⁶; он ушел в отставку после избрания Луи-Наполеона президентом республики, так как был активным противником его честолюбивых планов. Во время государственного переворота в декабре 1851 г. он несколько часов находился под арестом, а затем ему удалось пробраться в Бельгию, откуда он вернулся лишь в 1860 г. В 1864 г. он основывает журнал для молодежи «Magasin d'éducation et de récréation»⁷, редакторами которого становятся Жюль Верн и Жан Массе; последний несколько лет спустя организовал Лигу обучения. В этой-то среде, с ее республиканизмом и верностью традициям 48-го года и вращался Жюль Верн в последние дни Империи; там он встретил, например, ставшего затем его близким другом Надара, также эмигранта после 1848 г., а позже прославившегося своим искусством фотографа и своими опытами в области воздухоплавания⁸.

Воспоминания о надеждах 48-го года чувствуются в словах Жюль Верна, в которых он подводит итоги политики Империи накануне ее крушения.

«...Да, вот итог восемнадцатилетнего существования Империи: один миллиард в банке, развал торговли, развал промышленности. Акции 80 фирм, когирующие на бирже, обесценились, и падение продолжается. Закон о военной службе, возвращающий нас к временам гуннов и вестготов. И глухие войны в персептиве»⁹.

Дружеские отношения Жюль Верна с республиканцами и демократами не ограничивались пределами Франции. Он, например, поддерживал постоянную связь со своей ровесницей русской демократкой Марко Вовчок (1833—1907), которая при его жизни перевела около пятнадцати его

⁴ M-me Allotte de la Fuÿe Jules Verne, sa vie, son oeuvre, p. 27.

⁵ Ibid., p. 31—32.

⁶ A. Parménie et C. Bonnier de la Chapolle. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs, P. J. Hetzel, p. 91 sq.

⁷ Ibid., p. 431.

⁸ Он фигурирует в романе «Из пушки на Луну» под анаграммой «Ардан».

⁹ M-me Allotte de la Fuÿe. Op. cit., p. 116.

романов ¹⁰. Марко Вовчок, жившая на Украине, жена украинского этнографа А. В. Марковича, примыкала к революционным демократам 60-х годов; она активно участвовала в движении за отмену крепостного права в России и этому вопросу посвятила много своих беллетристических произведений; ее называли «украинской Бичер-Стоу». Она сотрудничала в «Magasin d'éducation et de récréation» Этцеля ¹¹.

По мнению членов его семьи, Жюлю Верну были ведомы только три страсти: «свобода, музыка, море» ¹², в чем тоже можно увидеть влияние 48-го года. Море, занимающее столь большое место в его творчестве, восхищало его своим безграничным горизонтом, «своим чистым и животворным дыханием», «своим величественным покоем», согласно восторженным определениям капитана Немо: «Тут, единственно тут, подлинная независимость! Здесь нет тиранов! Здесь я свободен!» ¹³. Жюль Верн, страстный мореплаватель, был также страстным любителем музыки, как и многие его герои: капитан Немо, погруженный в мечтания над клавиатурой своей фисгармонии; или квартет, игра которого так совершенна, что миллиардеры «плавающего острова» решили похитить его ¹⁴. Но когда заходит речь о его третьей страсти — о свободе, то здесь мы имеем дело не с эстетическими эмоциями или приключениями, а с политическими убеждениями.

Политические аспекты творчества Жюль Верна не менее важны, чем научные: популяризация науки и научное предвидение. Однако их довольно часто недооценивают, по крайней мере на Западе ¹⁵. За кажущимся политическим конформизмом Жюль Верна, за общепринятыми выражениями уважения к родине, религии, коммерции, всему тому, что уважала буржуазия Второй империи и Третьей республики, можно при ближайшем рассмотрении различить в его политических взглядах три влияния, три направления, сочетающиеся друг с другом, а иногда и противоречащие друг другу: утопический сен-симонистский социализм (сен-симонистская формула «все с помощью пара и электричества» великолепно определяет техническую ориентацию «Необыкновенных путешествий»); анархистствующий индивидуализм, символом которого является черный флаг капитана Немо ¹⁶; наконец, традиции 48-го года, выражающиеся в горячей симпатии к национальному движению, в аболиционизме, в прославлении всеобщего братства, в романтизме, которым насыщены его произведения.

Национальное движение часто упоминается в «Необыкновенных путешествиях», иногда вскользь, но все же с совершенно ясной целью. Так, в «Замке в Карпатах» воспоминания о восстании трансильванских крестьян нужны для того, чтобы лучше осветить своеобразную фигуру барона Рудольфа де Гортца, «который во время дальних странствий не забывал свою трансильванскую родину». Враждебность венгров к австрийцам и немцам служит фоном для «Тайны Вильгельма Шторица». Немо, когда

¹⁰ Но не «Михаила Строгова», книгу, которая царским правительством считалась крамольной: героиня ее — дочь ссыльного в Сибирь; в книге описывается бунт татар против иркутского губернатора и т. д.

¹¹ Приношу свою благодарность Е. П. Брандису, советскому специалисту по Жюлю Верну, за его указания относительно связей между Жюлем Верном и Марко Вовчок.

¹² M-me Allotte de la Fuÿe. Op. cit., p. 116. (свидетельство племянника Жюль Верна Мориса, часто крейсировавшего с ним по морю).

¹³ «20 000 лье под водой».

¹⁴ О любви Жюль Верна к музыке см. Marcel Moré. Nouvelles explorations de Jules Verne, chap. II.

¹⁵ Зато советские специалисты по Жюлю Верну особенно подчеркивают место, занимаемое политикой в его творчестве.

¹⁶ Мы подвергли разбору эту сторону взглядов Жюль Верна в указанном выше исследовании. См. J. S h e s n e a u x. Critique sociale et thèmes anarchistes chez Jules Verne. — «Le Mouvement social», juillet 1966.

его «Наутилус» крейсирует в Средиземном море, использует эту вражду для помощи восставшим в 1868 г. кантиотам, передавая им золото, добытое среди обломков галионов, потерпевших крушение в бухте Виго. Шотландский национализм проявляется в «Детях капитана Гранта»; Грант замыслил основать «независимую» шотландскую колонию, так как «интересы его страны не могут совпадать с интересами англосаксов»; на родине он национальный герой («Вся Шотландия поможет мне спасти этого мужественного, преданного ей человека», — заявляет его соотечественник Лорд Гленарван, отправляясь на его розыски). Об отваге ирландских фениев упоминается в «Братьях Кип»; эти два невинно осужденных брата отбывают наказание на английской каторге в Порт-Артуре, на Тихом океане, и знакомятся там с ирландскими мятежниками — «беспощадно преследуемыми» «жертвами невероятной суровости». Но ирландские революционеры, проживающие в Соединенных Штатах, устраивают побег своим товарищам, и оба брата пользуются этим, чтобы скрыться вместе с ними¹⁷. В «Лотерейном билете», наконец, Жюль Верн отводит почетное место стремлению к независимости норвежцев, «очень ревниво относящихся к своим прерогативам»: в то время Норвегия, согласно акту Венского конгресса, состояла с шведским королевством в унии, которая была расторгнута только в 1905 г. Один из героев романа, профессор Хог, «постоянно и упорно выступал против захватнических действий Швеции»; Жюль Верн замечает по этому поводу, что «рознь между двумя народами так велика, что шведский флаг не развеивается ни над зданиями, ни над кораблями норвежцев».

Можно сказать, Жюль Верн принимал так близко к сердцу освободительную борьбу и обостренный патриотизм мелких народностей Европы, что не считался даже с реальной исторической эволюцией, как, например, в случае с Шотландией. Равным образом, в «Погоне за метеором» он говорит об освобождении Гренландии из-под власти Дании и о превращении ее в независимое государство.

Но до сих пор мы говорили только о беглых упоминаниях национального движения в романах, посвященных в основном другим темам: научному предвидению в «Двадцати тысячах лье под водой», в «Вильгельме Шторице», в «Замке на Карпатах»; романтическим приключениям в «Лотерейном билете» в «Братьях Кип», в «Детях капитана Гранта». В противоположность этому в шести романах, в большинстве своем чрезвычайно важных для творчества Жюль Верна, национально-освободительное движение угнетенных народов Европы стоит в центре произведения и является главным его мотивом: независимость Греции в «Архипелаге в огне», венгерский национализм в «Матиасе Шандоре», ирландский национализм в «Малыше», борьба болгар против турецкого ига в «Дунайском лодмане», национальная борьба между балтийскими баронами и русскими крестьянами в «Драме в Лифляндии», национальное движение французских поселенцев в Канаде в 1837 г. против британского владычества в «Семье без имени».

«Семья без имени» открывается главой («Несколько фактов, несколько дат»), представляющей собой яркое изложение истории национальной борьбы французских поселенцев в Канаде, «томящихся под гнетом Великобритании» со времени аннексии 1763 г. Ж. Верн разоблачает в этой главе ограниченность взглядов английских властей, которые «упорно видят лишь происки небольшой группы там, где дело идет о едином порыве целой нации».

¹⁷ «Братья Кип» были опубликованы в 1902 г., спустя год после появления «Мемуаров» капитана Дрейфуса. По предположению Ж. П. Февра (J. P. Faivre. Jules Verne et le Pacifique. — «Journal de la Société des Océanistes», 1955, p. 146), эта связь не случайна.

Жюль Верн приветствует храбрость и самоотверженность патриотов, подобных Матиасу Шандору, знатному вельможе, который отдал все свое состояние борцам за освобождение Венгрии и, будучи предан гнусным доносчиком, готовится встретить смерть. «Друзья мои,— заявляет он своим товарищам,— я виновник вашей смерти! Но я не должен просить у вас прощения за это. Речь идет о независимости Венгрии! Наше дело правое! Мы обязаны были его защищать! Мы умрем за него!»

Таков и Сергей Ладко («Дунайский лопман»), молодой болгарин, глава национальной партии в своем родном городе Руцуке, в дельте Дуная («ему также свойственны были моральные качества, необходимые вождю; энергия при выработке решений, осмотрительность при их выполнении, страстная любовь к своей стране»). Таков в особенности загадочный «Жан Безымянный», вождь партизан. Этот облик воинствующего революционера чрезвычайно современен; он является душой сопротивления канадских французов английскому владычеству («Вокруг этой личности создавалась настоящая легенда, придававшая ему исключительное влияние на массы»). На самом же деле он сын предателя и старается искупить преступление своего отца.

В этих романах, насквозь проникнутых революционным романтизмом, верно продолжающим традиции 48-го года, уделено также большое место зверским репрессиям со стороны чужеземцев, господству которых угрожает национальное движение; он пишет о горделивых английских лордах в Канаде, об австрийской полиции и ее сделках с подозрительными личностями, осведомляющими ее о заговоре Шандора, и особенно о турках, которых Жюль Верн клеймит позором за организованную ими резню в Хиосе, равно как и пятьдесят лет спустя за резню в Болгарии.

Но для Жюль Верна национальная борьба — отнюдь не идеалистическое движение на службе у абстрактного понятия; наоборот, он придает исключительную важность социальному содержанию и социальному значению движения национальностей. Турки в «Архипелаге в огне» не только чужеземцы, господство которых ненавистно грекам,— они также защитники рабства, союзники пиратов, которые обогащаются, перепродавая в Африке многие тысячи невинных жертв, захваченных при содействии турецких властей. Точно так же в «Семье без имени» движение канадских крестьян описывается как демократическое и народное, крестьяне шли под лозунгами: «Бегите, тираны, народ пробуждается! Союз народов — гроза для владык! Лучше кровопролитная борьба, чем гнет разращенной власти!»

В «Малыше» социальное содержание национальной проблемы подчеркивается еще яснее. Герой произведения — сирота, которого приютила семья ирландских фермеров, живущих на земле англичанина лорда Рокингема. Ж. Верн убедительно доказывает, что эксплуатация крестьян помещиками-абсентеистами являлась ключевой национальной проблемой Ирландии в ту эпоху («следствием этого абсентеизма было то, что деньги, созданные трудом ирландцев, уходили за пределы страны, не принося пользы Ирландии»). Достаточно было одной суровой зимы, например, 1880/81 г., чтобы воцарилась нужда, голод: «Каждый раз, когда призрак нужды вырисовывается на горизонте ирландских деревень», в графствах усиливается национальное движение. Семья Маккарти, приютившая малыша, не в состоянии уплатить налоги и внести арендную плату, а управляющий отказывается просить долги; Жюль Верн подробно описывает трагическую картину «гнусного выселения» семьи английской полицией, которая разрушает дом и делает его непригодным для жилья. Можно ли удивляться, что «после подобных жестоких расправ,— а они бывали очень часто,— сердце ирландского крестьянина было полно ненависти». Семья Маккарти остается лишь эмигрировать в Австралию, но и там она будет владеть нищенское существование.

Именно в «Малыше» Жюль Верн с особой силой выражает свое глубокое сочувствие нуждающимся крестьянам и рабочим, сочувствие, которое тоже полностью принадлежит к традициям 48-го года. Но наиболее отчетливо острое понимание социальной действительности проявляется в «Драме в Лифляндии»; глава шестая этого романа «Славяне и немцы» могла бы быть иначе озаглавлена «Классы и нации».

С большой проницательностью и четкостью Жюль Верн анализирует силы, действующие в Риге и вообще в Лифляндии: с одной стороны, «привилегированные классы», дворянство и буржуазия немецкого происхождения, о которых он замечает, что «они навязали себя прибалтийским провинциям»; с другой стороны, рабочие рижских предместий славянского происхождения и в особенности крестьяне-латыши, «являющиеся подлинным коренным населением» и эксплуатируемые крупными немецкими феодалами. Немцы, отмечает Ж. Верн, любящий цифры, «владеют, в одной только Лифляндии, большей частью поместий: в их руках по меньшей мере 400 тыс. гектаров». А в то же время, к концу XIX в. (роман был опубликован в 1904 г.) в трех прибалтийских губерниях насчитывалось только около ста пятидесяти тысяч дворян, купцов и мещан немецкого происхождения при общем количестве населения в два миллиона.

Национальный антагонизм между славянами и немцами усугубляется социальным антагонизмом, противопоставляющим трудящихся собственникам: «В прибалтийских губерниях почти все дворяне, почетные граждане, мещане и купцы немецкого происхождения. Правда, хотя местное население было обращено немцами сперва в католическую, а затем в протестантскую веру, его так и не удалось онемечить. Родственные финнам эстонцы и латыши, почти все являющиеся земледельцами, отнюдь не скрывают своей антипатии к хозяевам». Этот антагонизм господствует также в муниципальной политике. Два главных персонажа романа борются за пост городского головы Риги: богатый немецкий банкир Йохаузен и бедный, но уважаемый всеми своими соотечественниками уроженец Москвы, учитель Николев. Тот же самый антагонизм существует и в Дерптском университете, где противостоят друг другу студенты немецкого и славянского происхождения (последних наберется едва 50 человек в сравнении с 900 немцев, что объясняется разницей социального состава обеих национальных групп). «В университетской среде борьба между славянами и немцами имела тенденцию обостряться». Даже в полиции сказывается это национальное соперничество: большинство полицейских — немцы, и многие из них «весьма склонны при исполнении своих обязанностей проявлять меньше строгости к лицам немецкого происхождения, чем к русским, проживающим в Лифляндии».

Завязка романа такова: москвич Николев становится жертвой судебной ошибки: его обвиняют в убийстве служащего в банке Йохаузена. Национальный антагонизм придает всему этому делу чисто политический характер. Национальная проблема служит в романе не только историческим фоном, но и движущей пружиной всего действия.

То же относится и к остальным произведениям, о которых говорилось выше. Центральной проблемой всех этих романов является национальное движение — идет ли речь о Греции, о Болгарии, о Венгрии, о Канаде, об Ирландии. Именно национальная борьба определяет характер действующих лиц и смысл их поступков, психологические ситуации, самый ритм произведения. В «Архипелаге в огне» доминирует конфликт между старой патриоткой Андроникой Старкос и ее сыном Николаем (он же пират Сакратиф) — предателем своей родины и работником. Матиас Пандор — второй Монте-Кристо, но стремящийся отомстить за весь народ, а не только за несправедливость по отношению к нему лично. Приключения Ладко, путешествующего по Дунаю под видом рыбака Ильи Бруша, объясняются тем, что он — один из вождей болгарского национального движения

(«Дунайский лодман»). Злоключения и надежды малыша неразрывно связаны с судьбой всего ирландского народа. В «Семье без имени» три канадских патриота — мать и ее два сына — готовы жертвовать всем для своей родины Канады; драма заключается в том, что глава семьи некогда за деньги предал национальное дело.

Для того чтобы так великолепно использовать национальную борьбу в качестве канвы для своих романов, надо было знать ее так хорошо, как ее знал Жюль Верн.

* * *

Ненависть Жюля Верна к рабству, так отчетливо проявляющаяся во всем его творчестве, также дает право считать его духовным наследником идей революции 1848 года. Постановление об отмене рабства, внесенное Шельшером, было, как известно, одним из первых, принятых парижским временным правительством.

Вопрос о рабстве тоже занимает видное место в творчестве Жюля Верна¹⁸. Он послужил центральной темой двух важных для его творчества романов: «Север против Юга» и «Пятнадцатилетний капитан»; он затрагивается и во многих других произведениях, и всегда Жюль Верн яростно обрушивается на «гнусный торг», на «гнусный предмет экспорта». В «Пятнадцатилетнем капитане» Жюль Верн символически противопоставляет Америку, которой он восхищался как страной свободы, Африке, «Африке работорговцев и рабов». Семья Уэлдонов и молодой матрос Дик Сенд, равно как и шесть свободных негров из Соединенных Штатов, полагали, что направляются через Тихий океан в Америку, но корабль был изменническим образом отклонен с курса и приведен к португальскому побережью Африки, где в то время, к которому предположительно отно-

¹⁸ Мы ограничиваемся здесь только этим аспектом отношения Жюля Верна к колониальной проблеме; только в этом аспекте она увязывается с традицией 1848 года.

Колониальная экспансия, вообще говоря, представляет собой одну из главных тем, вдохновлявших Жюля Верна, и его подход к ней очень неравнозначен. Мы ограничимся здесь несколькими замечаниями (на этой проблеме мы подробнее остановимся в другом исследовании).

Прежде всего, трактовка Жюлем Верном образа дикаря занимает как бы промежуточное положение между старым, унаследованным от XVIII в. представлением о «добром дикаре» и «злым дикарем», расистская характеристика которого приплась так кстати для оправдания колониальных захватов Франции в новое время. Талькаву («Дети капитана Гранта») — яркому воплощению прирожденных добродетелей человечества — противопоставляются сцены каннибализма и варварства, свидетелями которых с высоты небес являются д-р Фергюссон и его товарищи («Пять недель на воздушном шаре»).

В отношении самих колониальных завоеваний Жюль Верн также занимает противоречивую позицию. Он не может не симпатизировать до известной степени тем, кто сопротивляется подобным завоеваниям (сипай в «Паровом доме», сам капитан Немо, туареги во «Вторжении моря»). Но в то же время он считает колонизацию прогрессом, тем самым недвусмысленно разделяя сен-симонистскую традицию. Поэтому его сочувствие национальным движениям, о котором мы говорили выше, распространяется только на европейские нации, что тоже показывает близость взглядов Жюля Верна с «видением мира» 48-го года.

«Матигас Шандор» — прекрасный пример подобной противоречивой позиции в вопросе о национально-освободительных движениях; он подходит к ним с противоположных точек зрения, в зависимости от того, происходят ли они в Европе или вне ее. Роман построен на материале венгерского национального движения, и его главный герой — наиболее «позитивный» персонаж во всем творчестве Жюля Верна. Но после своего побега, превратившись в таинственного доктора Антекирта, Шандор поселяется на острове близ берегов Киренаики и вынужден отбивать атаки мусульманской секты сенусистов, возглавляемой ее вождем Махди. Это народное движение Жюль Верн описывает уже в резко отрицательных выражениях, называя его участников «скопищем бандитов и грабителей». Чтобы как-то оправдать антитезу, Жюль Верн придумывает, что сенусисты нападают на основанную Шандором «научную колонию» по наущению Саркани, того самого человека, который когда-то выдал Шандора австрийской полиции.

сится действие романа (около 1880 г.), рабство еще существовало. Жюль Верн включает в роман подробное изложение истории торговли африканскими рабами и живописует португальских работорговцев, караваны пленников, большая часть которых погибает в пути, зверства «хавильдаров» (надсмотрщиков), невольничьи рынки.

Работорговля, как мы уже отмечали, разоблачается Жюлем Верном также в «Архипелаге в огне». При попустительстве, если не при содействии, турецких властей, она около 1825 г. процветала во всей восточной части Средиземного моря. Один из главных эпизодов романа происходит на невольничьем рынке в Скарпанто (гл. XII), когда продаются с публичного торга экипаж и пассажиры корабля, захваченного пиратами; в числе пленных — молодая Хаджина, дочь богатого банкира с острова Корфу; во время продажи этих несчастных разгорается ожесточенный спор между французскими офицером Анри д'Альбаре, женихом Хаджины, и работорговцем Николаем Старкосом, зрящимся на ее состояние.

Жюлю Верну было лет тридцать с небольшим, когда в США вспыхнула гражданская война, и она произвела на него сильнейшее впечатление. Аболиционистское движение в Америке часто упоминается в его сочинениях. Джон Браун, герой экспедиции 1859 г. против арсенала южан в Харперс Ферри, повешенный сторонниками рабства после ее неудачи, фигурирует в портретной галерее капитана Немо наравне с Авраамом Линкольном. Жюль Верн воздает честь Джону Брауну и в другом романе — «Завещание чудака». Десять конкурентов заняты игрой в «гусек»¹⁹, причем поля таблицы представляют 49 штатов Североамериканского союза. Самому симпатичному из участников игры, Максиму Рилю выпадает судьба отправиться в Ричмонд, главный город Виргинии. Но проездом он останавливается в Мартинсбург Сити, чтобы «совершить паломничество» и «отдать дань уважения герою». Вот какими словами воздает он должное его памяти:

«Джон Браун, первый поднявший знамя борьбы против рабства в начале гражданской войны. Виргинские плантаторы травили его, как дикого зверя. Вместе с ним было не больше 20 человек... Совершив чудеса храбрости, тяжело раненый, истощив все свои силы, он был захвачен. Его притащили в соседний поселок Чарлстон и 2 декабря 1859 г. подвергли казни через повешение — смерть, которую виселица не смогла сделать позорной для него, не смогла помешать сохранению славы о его подвиге на долгие годы. Этому мученику за свободу, за освобождение человечества я как патриот хотел выразить свое почтение»²⁰.

То, что Жюль Верн энергично выступал на стороне северян, видно также из начала романа «Таинственный остров»: потерпевшие крушение воздухоплаватели-абolicционисты, находившиеся в заключении в главном городе южан Ричмонде, совершают побег оттуда с помощью воздушного шара, но буря выбрасывает их в Тихий океан. Эти пять героев, типично верновские по своей сметливости, изобретательности, своей моральной и физической выносливости, являются в то же время в политическом плане противниками рабства.

Гражданская война послужила также темой для новеллы «Нарушители блокады», написанной Жюлем Верном в его молодые годы. Он пишет в ней, что, с его точки зрения, «главный вопрос» этой войны — вопрос о рабстве, что он более существен, чем экономическое соперничество между Севером и Югом и чем вопрос о таможенных тарифах. Один из героев пытается проникнуть в чарлстонский порт, чтобы освободить некоего пленника южан; он садится на английский корабль, который нарушает блокаду, чтобы закупить в этом порту хлопок и продать там оружие, но

¹⁹ Метание косточек на расчерченной таблице.

²⁰ Казнь Джона Брауна послужила сюжетом для знаменитой литографии Виктора Гюго, которую знал Жюль Верн.

это не мешает ему критиковать тех, кто живет этой торговлей: «Когда вы продаете китайцам опиум, который их одуряет, вы так же виноваты, как и в тот момент, когда вы предоставляете южанам средства для продолжения преступной войны».

В «Севере против Юга» борьба поборников рабства против аболиционистов — основное содержание романа. Флоридского плантатора Джеймса Бербенка, стоящего за отмену рабства, преследует своей ненавистью работорговец южанин Тексар. Он бросает Бербенку вызов — предлагает ему освободить своих невольников. Бербенк в торжественной обстановке отпускает на волю всех работников своей плантации — поступок тем более мужественный, что это происходит на территории южан, в области, где ненависть белых к аболиционизму приобрела особую остроту в связи с приближением войск северян. Обращенная к рабам речь, в которой он объявляет об их освобождении, полностью выдержана в благородных и гуманных традициях 1848 года.

«Друзья мои, как вы знаете, Соединенные Штаты уже длительное время охвачены кровопролитной междоусобной войной. Главная причина этой войны — вопрос о невольничестве. Юг, руководствуясь исключительно тем, что он считает своими интересами, стоит за сохранение рабства. Север, движимый гуманностью, хочет уничтожения его в Америке. Бог покровительствовал защитникам правого дела, и уже много раз победа была на стороне тех, кто борется за освобождение целой расы. Всем известно, что я, верный моему происхождению, уже давно и неизменно разделяю взгляды северян, но до сих пор не имел возможности претворить их в жизнь. Ныне же обстоятельства таковы, что я могу, не откладывая больше, привести мои поступки в соответствие с моими убеждениями. Слушайте же, что я вам заявляю от своего имени и от имени всей моей семьи: с нынешнего дня, с 28 февраля 1862 г., невольники моей плантации освобождаются от рабства. Они вольны располагать собой. Отныне в Кэмдлес Бэе проживают только свободные люди!»

* * *

Во всех этих цитатах, во всех этих романах враждебность Жюль Верна к рабству абсолютна и безоговорочна, но в основе ее лежит только гуманизм. Его позиция — позиция принципиальная. Он никогда не примешивает к ней соображения о производительности труда, он никогда не намекает, что рабовладельцам было бы или могло бы быть выгодным освободить своих рабов, так как это увеличило бы доход.

Эта чисто идеалистическая и гуманистическая концепция проявляется не только в отношении рабства, — ею отмечено все романтическое творчество Жюль Верна. Он верит в братство народов и благодаря этому предстает перед нами как наследник тех, кто в 1848 г. включил в девиз новой французской республики кроме свободы и равенства также и братство.

Братство, человеческая солидарность проявляются в его романах в тех случаях, когда герои попадают в какую-либо катастрофу и стараются спастись. Так происходит в «Таинственном острове» с пятью американцами, среди которых один — инженер, другой — моряк, третий — журналист, четвертый — школьник, пятый — черный слуга инженера. Когда их воздушный корабль потерпел крушение, они не потеряли самообладания, и между ними установилось совершеннейшее единодушие. Их солидарность, равно как и скрытая помощь, оказываемая капитаном Немо, помогла им создать на острове приемлемые материальные условия; более того, именно эта солидарность заставила смягчиться старого мизантропа и побудила его помогать им.

То же самое относится и к товарищам Гаттераса, отправившимся после гибели их корабля в поход на Северный полюс. Только братское

согласие придает им силы вынести испытания длительной и суровой зимовки во льдах. Даже соперничество между Гаттерасом и американским капитаном Альтамонтом, в покинутом корабле которого они нашли столько нужных им запасов, в конце концов прекратилось, чтобы уступить место братской дружбе.

Много способствует созданию этой атмосферы солидарности и доброго согласия счастливый характер врача экспедиции, доктора Клоубонни.

«Этот достойный человек был душой маленького мирка, душой, излучавшей искренность и справедливость. Его товарищи всецело доверяли ему, он внушал уважение даже капитану Гаттерасу, который, впрочем, любил его; его слова, его манеры, его привычки оказывали на всех такое благотворное влияние, что существование этих шести человек, отрезанных от мира на расстоянии шести градусов от полюса, казалось совершенно нормальным».

Для обитателей Форта Надежды, полагавших, что фактория, основанная ими для компании Гудзонова залива, находится на берегу арктического Ледовитого океана, в то время как на самом деле она оказалась на ледяном поле, братство и солидарность еще более важны, являясь непреложным условием сохранения жизни этих несчастных. Ведь льдина оторвалась от материка и дрейфует в самых опасных условиях. От доброго согласия ее обитателей зависело их спасение («В стране мехов»).

В романе «Два года каникул» герои — деги; им приходится на собственном опыте познакомиться с великим законом солидарности и с его ни с чем не сравнимой ценностью. Воспитанники одного новозеландского пансиона очутились посреди Тихого океана, так как бриг, где они спали, сорвался с якоря, а экипаж остался на берегу. Буря пригнала их к пустынному острову, где они организуют свой быт — наподобие взрослых они распределяют обязанности по добыче пропитания, выбирают главаря и т. д. Они было раскололись на соперничающие друг с другом группы, но при появлении пиратов помирились по-братски. Лишь с превеликим трудом им удалось спастись.

Герои «Гектора Сервадака» попадают в еще более странную катастрофу. Они захвачены кометой, задевшей землю, и здесь их тоже спасают только царящее среди них доброе согласие и единодушие, которые легко устанавливаются между французским офицером алжирской армии и его денщиком, группой испанцев, подобранных в Сеуте, русским графом, крейсировавшим в этих водах, и экипажем его яхты. Именно эта солидарность позволяет им в конце концов возвратиться на землю, когда комета завершила описание своего эллипса. Напротив, высокомерие и обособленность гибралтарского английского гарнизона, также захваченного кометой, послужили причиной его гибели: он отказывается действовать совместно с остальными временными обитателями кометы «Галлия» и не хочет даже верить в реальность приключения. Эти англичане «будут вечно носиться в пространстве», вывод, вполне соответствующий антибританскому шовинизму Жюль Верна.

В новых социальных сообществах, изображенных Жюлем Верном в некоторых произведениях, отношения между членами также определяются братством и взаимопониманием — это относится к шахтерам Нового Эберфойля — города, находящегося в гигантской угольной пещере, — живущим в полном согласии («Черная Индия»); к поселенцам «Второй родины», обосновавшимся где-то в Индийском океане; к индейцам «Миссии Санта Хуана», обитающим в бассейне Верхнего Ориноко, которым принес цивилизацию и порядок бывший французский военный, ставший миссионером после пережитой им семейной драмы («Великолепный Ориноко»).

Наконец, то же самое понимание братского долга определяет отношение к жертвам нужды, угнетения, обскурантизма. В «Сезаре Каска-

беле» скромный бродячий ярмарочный комедиант, возвращающийся из Калифорнии в Европу через Берингов пролив, невзирая на риск, дает у себя приют русскому князю-революционеру, разыскиваемому полицией. В «Южной звезде» инженер Киприен Мере проявляет подобное же великодушие к рабочим-кафрам, истязаемым шахтерами алмазных копей Грикаленда. Даже у непреклонного и сурового Филеаса Фогга в романе «Вокруг света в восемьдесят дней» проявляется тот же дух общечеловеческой солидарности, когда дело идет о спасении от костра молодой вдовы недавно скончавшегося раджи, которая должна следовать за своим мужем и в смерти, как того требует индуистский обряд; в другой раз он, не колеблясь, идет на проигрыш пари лишь бы вырвать своего верного слугу Паспарту из рук грабителей — индейцев племени Сиу, захвативших его в плен во время путешествия Фогга по Западной Америке.

* * *

Романтизм Жюль Верна, пронизывающий все его творчество и, как это ни странно, оставшийся не замеченным исследователями, сосредоточившими все свое внимание на чисто научном значении его книг ²¹, также роднит его с политико-литературной традицией 1848 г. Заголовок, данный Жаном Кассу первой главе его исследования о 1848 г. ²², «О тайных и проклятых делах» вполне подходил бы к миру «Необыкновенных путешествий» или, во всяком случае, ко многим его аспектам.

Пейзажи Жюль Верна ²³ тоже в высшей степени романтичны. Это беспредельные в своем грандиозном однообразии равнины, где бушует ветер, такие, как русская степь в «Михаиле Строгове», пустыня Калахари в «Приключениях трех русских и трех англичан в Южной Африке», австралийские равнины в «Детях капитана Гранта» и в «Миссис Браникан». Это круто обрывающийся, дикий рельеф Шотландии («Зеленый луч», «Черная Индия»), Трансильвании («Замок в Карпатах») и Норвегии («Лотерейный билет») или покрытые льдом бескрайние пространства полярных областей («Капитан Гаттерас», «Сезар Каскабель»). Жюль Верн питает пристрастие к бурям: буря уносит китоловное судно «Св. Енох» вслед за гипотетическим громадным морским змеем («Рассказы Жана-Мари Кабидулена»); буря помогает беглецу с сибирской каторги перебраться через границу России с Лифляндией («Драма в Лифляндии»); буря пригоняет к северо-восточным берегам Сибири льдину, где нашел прибежище Сезар Каскабель; буря швыряет в Тихий океан воздушный шар Сайруса Смита и его товарищей («Таинственный остров»); буре мужественно противостоит аэронеф инженера Робура, в конце концов все же погибающий («Властелин мира»); буря подвергает испытанию прочность гигантского парохода «Грейт Истерн» («Плавающий город») и т. д. Пещеры, эти порождения таинственных сил природы, также служат излюбленным фоном для многих эпизодов его романов. В подобном романтическом убе-

²¹ Из исследователей творчества Жюль Верна единственно Кеннет Аллот (Kenneth Allott Jules Verne. Londres, 1940) настойчиво подчеркивает эту романтическую сторону его произведения, считая ее даже основной характерной чертой «Необыкновенных путешествий».

²² Jean Cassou. Anatomie des révolutions Quarante huit, Paris, 1939.

²³ Ср. главу VII («Пейзаж») в работе R. Escaich. Voyage au monde de Jules Verne, Paris, 1955. Автор исследования не заметил романтического характера пейзажей Жюль Верна, но в главе IX («Разбушевавшиеся стихии») дается подробнейший перечень землетрясений, бурь, гроз, наводнений, тайфунов и циклонов, огненных дождей, электрических, снежных бурь и других грозных явлений природы, изображаемых Жюль Верном почти во всех его произведениях. Р. Эскеш — большой знаток творчества Жюль Верна, но плохой его истолкователь. Его книга (с предисловием ультрареакционного писателя Клода Фаррера) не уделяет никакого внимания такому важному вопросу, как политические взгляды Жюль Верна.

жище поселяются колонисты «Второй родины»; товарищи Гектора Сервадака на их комете; кафры, прячущие там свои сокровища («Южная звезда»); потерпевшие кораблекрушение герои «Таинственного острова»; в «Черной Индии» в таких пещерах располагается даже целый город. В «Путешествии к центру земли» дан ряд фантастических описаний пещер.

Пристрастие Жюль Верна к пришедшим в упадок замкам и развалинам также роднит его с романтической традицией: тут и башня Пизино, где заключены Матиас Шандор и его товарищи в ожидании казни; и небольшой покинутый испанский форт, скрытый в затопленном лесу Флориды и служащий убежищем для разбойника Тексара («Север против Юга»); и развалины замка Дандональда Касля в Шотландии, и его «огненные женщины», которых так боятся суеверные крестьяне («Черная Индия»); и крепость Рипоре в центральной Индии («Паровой дом»); и в особенности необычайный «Замок в Карнатах» — эта старая крепость, где водятся привидения и совершается множество чудес.

Мир «Необыкновенных путешествий» тоже изобилует романтическими эпизодами и образами: гибель Клари де Водрей и Жана Безымянного, чья лодка низвергается в Ниагарский водопад («Семья без имени»); метеоевская гибель Робура, пораженного молнией в своей летающей машине («Властелин мира»); вопли отчаяния капитана Гранта, когда ему показалось, что корабль удаляется от его острова; едва слышный крик молодой эскимоски, которая пытается привлечь внимание своих друзей, увлекаемых на льдине в море («Страна мехов»). Жюль Верн любит изображать изгнанников, отшельников и непонятых людей: проклятый богом часовщик мастер Захариус, заключивший договор с дьяволом; алхимик Вильгельм Шториц; инженеры Тома Рок («Флаг родины») и Робур; политические эмигранты: Владимир Янов («Драма в Лифляндии»), Сергей Наркин («Сезар Каскабель») и Ладко («Дунайский лопман»).

Еще более романтичны женские образы. Эти неправдоподобно эфемерные создания особенно удивительны для писателя, придававшего такое большое значение успехам науки и позитивных знаний. О его женщинах часто даже трудно сказать, реальные ли они существа или воображаемые: такова молоденькая Нелль в «Черной Индии», выросшая в полном мраке пещеры и ставшая в глазах людей духом шахты; это и несчастная сумасшедшая, чье таинственное появление интригует пассажиров «Грейт Истерн» («Дама в черном»); «блуждающее пламя» — еще одна романтическая фигура сумасшедшей, почитаемой индейцами, а в действительности — одна из уцелевших после резни в Каунпоре, при восстании сипаев («Паровой дом»); еще более смутный образ Миры, жертвы снадобья, которое сделало ее невидимкой, по крайней мере до того времени, когда рождение ребенка вернуло ей человеческий облик («Тайна Вильгельма Шторица»); наконец, чисто искусственная фигура итальянской певицы Ла Стилла, память о которой увековечивает ее поклонник Родольф де Гортц с помощью аппарата, восстанавливающего одновременно и ее голос и ее физический облик («Замок в Карнатах»).

Говоря о романтизме Жюль Верна, нельзя не согласиться с Аллотом²⁴. считающим чистейшей романтической поэмой сон молодого Аксея, когда он задремал на плоту, уносящем его через внутреннее море, открытое им вместе с геологом Лиденброком («Путешествие к центру земли»). Перед ним проходит в обратном порядке цикл геологических эволюций земного шара: «Века протекают как мгновения! Я переживаю в обратном порядке ряд эволюций на земле. Исчезают растения; гранитные скалы теряют свою твердость; под влиянием все усиливающейся жары тела переходят из твердого состояния в жидкое; воды растекаются по поверхности земного

²⁴ K. A l l o t t. Op. cit., p. 103 («полное слияние романтической поэзии с наукой XIX века»).

шара; они кипят, они испаряются; водяные пары окутывают землю, которая понемногу превращается в газообразную, раскаленную добела массу, громадную и лучезарную, как солнце!

В центре этой туманности, в миллион четыреста тысяч раз превышающей объем будущего земного шара, я уношусь в межпланетные пространства! Мое тело в свою очередь разрезается и подобно невесомому атому сливается с этой газообразной массой, описывающей в бесконечности свою пламенную орбиту!»

Мы ограничимся этими краткими примерами. Углубленное исследование романтических аспектов творчества Жюль Верна относится, по существу, скорее к области литературной критики, а не истории идеологий. Но, чтобы дать возможно полную картину влияния традиций 48-го года, нам необходимо было воскресить в памяти романтические аспекты «Необыкновенных путешествий».

* * *

Итак, традиции 48-го года являются важнейшим элементом политических убеждений Жюль Верна, его политических симпатий. Само собой разумеется, это не означает, что он «чистейший» выразитель духа 48-го года. В его творчестве почти полностью отсутствует рабочий вопрос, игравший такую важную роль в 1848 г. Он затрагивается только весьма эпизодически, например, в связи со смертью молодого шахтера в романе «Пятьсот миллионов бегумы» или в «Мальше», где чувствуются отклики на стачки рабочих в предместьях Бельфаста и на последовавшие за ними полицейские репрессии. Но все это вряд ли имеет какое-либо значение. А ведь трагическое положение рабочих привлекало внимание людей 1848 г.: Мишле и В. Гюго, Эжена Сю и Жорж Санд, а французские социалисты-утописты — Луи Блан, Прудон, Фурье, Консидеран — проявляли большую активность весной 1848 г.

Дело в том, что идеалам 1848 г. у Жюль Верна часто противостоят другие умонастроения. Его мечта о всеобщем братстве никак не увязывается с антинемецким и антианглийским шовинизмом, примеры которого так часто встречаются в его романах. Она не увязывается и с его тайной склонностью к анархистскому бунту и с несколько надменным индивидуализмом, который он проявляет во многих случаях. Можно добавить, что, как мы уже отмечали, его сочувствие национальному движению не выходит за рамки Европы; неевропейские народы должны, по его мнению, довольствоваться «прогрессом», т. е. колониальным режимом²⁵. Все же эти идеалы во многом определяют характер его творчества. Жюль Верн почти никогда не описывал в своих романах события 1848 г., но он воплощал их дух и часто вдохновлялся ими.

Жюль Верн был буржуа по своему происхождению (его отец был адвокатом в Нанте, мать — из семьи судовладельцев в том же городе), по своему браку (его жена была богатой вдовой из Амьена), по среде, в которой он вращался в Париже, а затем в Амьене, по роду своей деятельности (секретарь модного театра при Второй империи, затем служащий парижской биржи) и по самому характеру своих связей с издательством Этцеля (он обязан был, по договору, поставлять два романа в год).

Однако идеи 1848 г., доказательством чего служит пример Жюль Верна, оказались живучими у части французской буржуазии. Либеральная

²⁵ В «Погоне за метеором» описывается международная конференция по вопросу о распределении золота, из которого состоит метеор. В связи с этим Жюль Верн допускает участие в конференции Туниса и Турции, несмотря на их колониальный статус. Но это единичный случай, причем в произведении позднего периода, появившемся уже после смерти Жюль Верна.

буржуазия продолжала в течение долгого времени провозглашать себя — хотя и в туманной форме — защитницей великих идеалов 48-го года: свободы национальностей, равенства рас, братства народов, со свойственным той эпохе романтическими преувеличениями²⁶. Типичным примером верности этой традиции является творчество Жюль Верна.

Рассмотрение романов Жюль Верна позволяет лучше уяснить характер длительного, охватывающего более полувека (Жюль Верн умер в 1905 г.) влияния во Франции идей революции 1848 г.; они продолжали играть немаловажную роль в общественном сознании Франции во второй половине XIX и даже в начале XX в.

²⁶ Но идеализированный романтический образ «рабочего», столь яркий в 1848 г., отсутствует в последующей традиции; реальная классовая борьба развеяла этот романтический миф уже в июне 1848 г. и еще более в 1871 г. Мы отмечали выше, что рабочее движение и положение рабочих почти никогда не затрагивается в «Необыкновенных путешествиях».